Глава 1

— Здорово, Билли! — пропищал вертлявый мелкий пацанёнок и прошмыгнул мимо.

Точнее, попытался прошмыгнуть, но тут же был вздёрнут за шкирку.

С самой невозмутимой физиономией Билли вытянула из цепкой ручонки свой кошель, сунула его обратно в карман пиджака, влепила грустно сопящему пацану подзатыльник и покачала головой.

— Ночи, Тедди, — недовольно начала она. — И сколько тебя, раздолбая, учить? Не щипай магов! Ну мало, что ли, лохов по улице гуляет?

— Ты разуй глаза, м-мать твою! — огрызнулся пацан, на сей раз уже совсем не детским голосом. Билли удивилась бы, если бы не знала, что этому коротышке пошёл шестнадцатый год. — Вечер на дворе, и вообще, погода — говно. Все нормальные люди по норам забились; только тебе, шельме, на жопе ровно не сидится.

— Не сидится, — кивнула она, весело ухмыляясь, и вытянула из внутреннего кармана портсигар. Достала одну сигариллу, неспешно раскурила, вызвав яркую алую искорку на кончиках пальцев. — Это ж я, ну... Мэла не видал? Подскажешь, где этот засранец сегодня зависает?

Она ожидала уже ставшее традиционным «А мне-то что за дело?», после которого следовало такое же традиционное возложение деньжат в чумазую ладонь. Однако Тед гнусаво заржал и весьма охотно поделился:

— Не видал его сегодня. Ни здесь, ни в Низине. — Тут он похабно подвигал бровями. — Слушок пошёл, вы, голубки, опять разосрались! Чтоб ты знала, детка, мне этот шлюшонок никогда не нравился. Треплется больно много!

Очень ёмкая характеристика. Билли лишь презрительно скривила рот, хотя вспыхнувшая внутри тупая ярость толкала к активным действиям.

Например, выкорчевать из бруса кованый фонарь и пару раз уронить «шлюшонку» на кудлатую башку.

Чтоб трепался поменьше.

— Вот и мне он что-то разонравился. Ладно. Говоришь, не появлялся?

Тедди замялся, однако стоило отсыпать ему горстку серебрушек, как энтузиазм вернулся с избытком.

— В Восточной стороне его видали, близ Креста. Там ищи. А в Низине о нём мальчики Найри-ши справлялись. Небось опять в долгах по уши, а разгребать Билли-шельме.

Вот что-что, а искать она никого не собиралась. Равно как и вытаскивать из очередной неприятности. Хотя то, что Мэл перешёл дорогу местным авторитетам, могло добавить проблем уже самой Билли: на теневой стороне Синтара каждая собака знает, у кого на шее висит — висел! — бестолковый кретин Мельхиор. (И сам кретин, и имя у него кретинское.)

— Э, нет, мой сладенький! — Она надула и без того пухлые губы и картинно погрозила пальцем

любопытно глазеющему щипачу. — Ты порасскажи кому надо, что всё, прикрылась лавочка. Билли-шельма свободна как птица, а Мэл теперь своё дерьмо разгребает сам.

— Я-то порасскажу, — неуверенно хмыкнул Тедди, — но Найри-ши... С него же станется слать тебе Мэла по кусочкам.

С Найри не станется. И это, пожалуй, даже печально.

Она злорадно улыбнулась и сунула мальчишке ещё две монеты.

— По кусо-очкам? О, звучит прекрасно! Жду с нетерпением, донеси это до всех своих дружков. Да подоходчивее, Тед. Подоходчивее.

Какое-то время Тед изумлённо глазел на тускло-жёлтые кружки. Затем, воровато оглянувшись, выхватил золото и упрятал куда-то за пояс. И с оскорбительным сочувствием заметил:

— Ох и сильно же он тебя обидел.

Билли молча хлопнула его по плечу и прошла мимо.

«Обидел» — немного не то слово. Несерьёзное оно какое-то. Подразумевает не только вопли до небес да кулак в морду, но и неразумное, неизбежное прощение.

Билли устала обижаться и устала прощать. Настало время для чего-то новенького.

Она недовольно тряхнула головой, пригладила рассыпавшиеся по плечам пышные волосы, пуще прежнего взбунтовавшиеся от влаги. Погодка и впрямь не радует. Начало весны в Западном пределе — сплошное недоразумение. Только ко второму месяцу, когда всё подсыхает и расцвечивается зеле-

нью, эта бескрайняя прорва жидкой грязюки и кропящего дождя делается попригляднее.

Но до той поры ещё дожить надо. Сейчас же во всём теле ощущалось уверенное такое «упасть и сдохнуть».

— Упа-асть и сдо-охнуть... — негромко протянула Билли, подкуривая ещё одну сигариллу и с наслаждением вдыхая ароматный эвкалиптовый дым.

Падать и сдыхать хотелось вовсе не из-за ссоры с мудаковатым полюбовничком — вот ещё чего не хватало, она не какая-нибудь неуравновешенная дурочка. Нет, причина куда более приземлённая: Билли полночи ловила блуждающих огоньков на болотах Руот'Шэрре, а затем, едва проспавшись, до самого вечера заклинала эти долбаные огоньки, запирая их в ажурных светильничках. Итого сорок, мать их, штук. Расчудесная Ханнэ-фэ обожала вешать на неё заказы из категории «закончить надо вчера», однако и платила за такие вдвое. Пусть Билли нынче валится с ног, но ужин из пяти блюд и чек на сто двадцать золотых монет примирили с действительностью.

Да, Ханнэ её высоко ценит. А как иначе-то? Трудновато будет этой дивной занозе сыскать другого сильного заклинателя, который не пахал бы на Гильдию. Да что уж там, таких по пальцам можно сосчитать... В столице с частным предпринимательством дела идут куда лучше, но вот Синтарийская Гильдия заклинателей не терпит посягательств на свою монополию. (Непочтительную и своевольную засранку Билли Фоули она не терпит особенно.)

Едва толкнув двери «Весёлого лепрекона», Билли выразительно закатила глаза: местные завсегдатаи мигом её заприметили. И тут же принялись кидать крас-

норечивые взгляды да шептаться над кружками. (Ох, лучше бы они, по обыкновению, горланили с перепоя про «клёвые ножки» и «рабочий ротик»... как известно, мириться лучше со знакомым злом.) Ещё бы, новость дня — Билли-шельма хочет себе парной кусочек Мельхиора... Видят боги и богини, иные матёрые наёмники любят посплетничать пуще базарных тёток.

Окинув кучку особо шумных болтунов тяжёлым взглядом, Билли мысленно махнула на всех рукой и плюхнулась за стойку.

— Здорово, шельма! — Тутошний управляющий, старый добрый Кит Белл, встретил её кривой ухмылкой и хорошей порцией виски со льдом. Место наверняка тоже он придержал: в пабе сегодня было людно. — Обожди-ка... — Рядом со стаканом прямо из ниоткуда появилось блюдце с её любимым солёным миндалём. — На, поклюй вот. Потроха Мэла нам не завезли, уж извиняй.

— Какая досада! О чём только думает ваш шеф? — Билли сделала огромные глаза и кинула в рот горстку миндаля. Орехи она всегда любила, а уж миндаль могла лопать целыми мешками. — Что, я теперь Билли-брошенка? Имперские прорицатели объявили неделю шуточек про Мэла?

— Зришь в корень, Билли-брошенка.

Из чужих уст это звучало уже не так забавно. Точнее, вовсе даже отвратительно.

— А и хрен на вас всех! — Она дерзко усмехнулась, салютуя бокалом сидящему неподалёку симпатичному брюнету. — Честное шельмино слово: мне приходилось слышать вещи и похуже.

Перекинувшись с ней парой слов, Кит отошёл. Прошло какое-то время (а ещё три сигариллы и пол-

тора стакана), прежде чем запримеченный ранее брюнет с робкой улыбкой пересел на освободившееся рядом местечко.

— Это что, карандаш?

Пожалуй, это не было в списке вопросов, которые Билли ожидала услышать от такого симпатяжки.

— Серьёзно? — воскликнула она с недоверием. — Ты за четверть часа не смог придумать подкат получше?

Улыбка на красивом бледном лице стала шире.

— Не-а.

— Ну ладно, — Билли пожала плечами и, вытащив из-за уха упомянутый карандашик, принялась крутить его в пальцах. Руки у заклинателей нервные, беспокойные, их всё время чем-то приходится занимать. Рисование вполне годилось, тем более что она рисовала сколько себя помнила. — Это карандаш. Ты прям до Бездны наблюдателен, мой пирожочек. Следующий вопрос?

— Часто здесь бываешь?

Следовало догадаться... Она усмехнулась и кокетливо тряхнула волосами, снова закуривая. Обычно Билли курила куда меньше, но сегодня... в общем, день такой сегодня. Да.

— Куда чаще тебя, симпатяжка. Иначе ты непременно знал бы, кто я и с чем меня едят.

— Твоя правда, — согласился парень чуть виновато. — Ну... я Найджел, а ты?

— Билли.

Полным именем она, кажется, не представлялась с тех самых пор, как окончила академию. Ибо ну кошмар же.

— Рад знакомству, Билли! Угостил бы чем-нибудь, да боюсь, что тебе уже хватит.

Билли не удержалась и закатила глаза. Она впрямь уже здорово опьянела, однако мыслила по-прежнему ясно. И отлично понимала, что с этим Найджелом потом проблем не оберёшься. Такие правильные мальчики просто не способны перепихнуться разок и пойти по своим делам. А ничего иного сейчас не хотелось — только пить и трахаться, всё равно с кем; и снова пить, тщетно заливая бездонную дыру в груди...

Нет, похоже, ей действительно уже хватит. Разумеется, скакать из койки в койку или не скакать — личное дело каждого, и всё же Билли подобный образ жизни внутренне осуждала. Несмотря на свою сомнительную репутацию и бурную студенческую юность, по натуре она моногамна.

И даже этот ублюдок Мэл умудрился поставить ей в вину...

— Хватит так хватит, — покладисто кивнула она, заложив карандаш обратно за ухо. — В другой раз.

— В другой раз, — эхом откликнулся Найджел. Большие карие глаза в обрамлении густейших чёрных ресниц глядели прямо-таки со щенячьей грустью. — Что, уже уходишь?

Подумав, она кивнула снова. В хмельной голове крепчала явно дурная мысль прихватить милашку Найджела с собой. Уж очень похож на щеночка: впору прятать в карман да нести домой. Однако — то ли к счастью, то ли к сожалению, — додумать эту мысль Билли не дали.

— Слышь, шельма, — послышался за спиной чей-то ломкий басок, — разговор есть.

Билли обернулась к говорившему, смерила того едким взглядом.

— А-а-а, так это ты!.. Хм, слушай, а кто ты?

— Саймон, — мрачно поведал плечистый мужик, одёрнув вышитый серебром шейный платок. Аккуратно причёсанный, в идеально отглаженном сером костюме модного покроя, этот мать-его-так-Саймон выглядел почти приличным человеком. Пока не открывал рот. Говорок и лексика мигом выдавали местечкового бандита.

— Саймон, — в задумчивости повторила Билли, приторно улыбаясь и туша окурок о край бронзовой пепельницы. — Ладненько, и чем я могу помочь, *Саймон*?

— Мэл.

— Погоди, мы вроде как установили, что ты Саймон?..

— Кончай эти свои свистопляски, шельма! Где твой Мэл?

— Не мой, так что знать не знаю.

В шумном пабе делалось всё тише и тише; атмосфера сгущалась, становилась давящей. Кто-то осторожно коснулся её локтя; Билли нетерпеливо повернула голову и уставилась в посерьёзневшее, неуловимо изменившееся лицо Найджела.

— Какие-то проблемы? — спросил тот, недобро хмурясь.

— Не бери в голову, симпатяжка.

Одним глотком допив виски и с хрустом раскусив кубик льда, Билли громко стукнула бокалом о стойку и поднялась с табурета. Удобнее говорить со всякими недружелюбными засранцами, когда глядишь сверху вниз. А когда Билли при своём и без того немалом росте взгромождалась на каблуки, то глядела так почти на всех.

Обнаружив, что едва достаёт макушкой до подбородка смазливой девицы, здоровяк Саймон заметно

спал с лица и, похоже, ощутил неловкость. Но тут же грозно нахмурился и скрестил руки на груди, мощными плечами распирая свой щегольской костюмчик цвета соли с перцем.

— Мэл где? — снова рявкнул он. — И не гони, мол, не знаешь. Всё ты знаешь, сучара ушлая!

— Ну, положим, не всё, но-о...

— Этот шлюшонок мне сотню торчит! Или давай мне его сюда, или рассчитывайся!

— Я не знаю, где Мэл, — отрезала Билли — на сей раз холодно, без привычных ужимок. — И не хочу знать. Я ему не жена, не мать и не грёбаная нянька — вообще никто. Да какого хрена, мужик?! Заткни-ка свою поганую пасть и отвали по-хорошему, иначе я разозлюсь. А ты не хочешь, чтобы я разозлилась, сладенький. Поверь. Не хочешь.

Саймон, явно непривычный к угрозам от смазливых девчонок, ошалело хлопал бесцветными глазками. Не дожидаясь, пока он найдётся с ответом, Билли насмешливо склонила голову и неспешным шагом побрела на выход, стуча каблуками.

Она не любила и не умела проигрывать, но всё же пришлось неохотно признать — гулянка не задалась.

Пока она распивала виски и окучивала «щеночка», погода испортилась пуще прежнего. Ветер поддувал под короткую юбчонку; дождь уже не накрапывал — буквально пропитывал холодный воздух мельчайшей водяной пылью, заставляя липнуть к коже прядки волос и ткань рубашки. Билли недовольно поёжилась, застегнула пару пуговиц на кожаном пиджаке, сунула руки в карманы и пошла вниз по тёмной улице. Над головой серело затянутое тучами небо, полыхали фонари. Те, что потускнели, Билли машинально

подновляла уже севшим на подкорку заклинанием. Утомлённый организм не одобрял этакой гражданской сознательности, ну да какая разница? Чары не затратные, от резерва ещё кое-что осталось, до дому она доползёт... как-нибудь...

Хотя домой-то она и не рвалась. Билли нравилась её тесная, но уютная квартирка с несуразно высокими потолками и красивым витражом в гостиной... Однако там до Бездны одиноко сейчас, когда она выкинула прочь ублюдка Мэла вместе со всем его барахлом. Немногочисленным барахлом, ведь съехаться они так и не съехались... И слава богам.

— И слава богам, — хрипло прошептала Билли, глядя себе под ноги, на мелкие пузырьки в мутной лужице и на перепачканные белые туфли, вроде как осенние, но всё же преждевременно вынутые из коробки. Она недовольно шевельнула пальцами — и туфли снова засияли, как если бы мягкую светлую кожу только что протёрли и начистили до блеска.

Всё же хорошо быть заклинательницей. Офигенно просто.

Некстати вспомнилось, как Мэл, всегда такой развязный и самоуверенный до высокомерия, неуклюже плюхнулся на колени прямо в грязь и заполошно хватал её за руки. До боли, до синяков; умоляя, *заклиная* простить.

«Что хочешь, Билли! — надрывался он. — Что хочешь сделай! Избей до полусмерти да убей к Хладной, только прости... не смотри, не смотри так!..»

Билли и рада бы сделать ему больно. Однако ей не хватало ни жестокости, ни воображения, чтобы придумать нечто равноценное. Нечто, хоть отдалённо напоминающее то, что испытала она сама, увидев Мэла

рядом с той девицей. Маленькой и хорошенькой, словно кукла. И слишком милой, чтоб её ненавидеть.

И уже явно беременной, что её ничуть не портило.

И влюблённо глазевшей то на Мэла — на *её* Мэла, — то на новенькое колечко. Людишки вместо браслетов носят помолвочные кольца, так ведь?

«Я должна убить её, — ответила Билли тогда, брезгливо вытягивая руки из чужой хватки. — Затем я должна убить твоего ублюдка. И вот потом взяться за тебя. Вот тогда, *любовь моя*, мы будем квиты».

Разумеется, ничего такого она делать не стала. Кровожадность и безумство тёмных магов сильно переоценивают. Да и брюхатая девчонка не виновата, что у одного мерзавца член в штанах не держится.

Билли почти дошла до портальной площади, когда сквозь мерный шёпот дождя до неё донёсся писк — довольно громкий и до того жалостный, что внутри всё сжалось. И нужно было иметь сердце размером с маковое зёрнышко, чтобы просто пойти дальше. Она замерла на месте, напряжённо прислушиваясь. Как назло, зверек молчал почти минуту, прежде чем снова подать голос.

— Ага, вот ты где, — кивнула Билли сама себе и свернула налево, в тёмный проулок между двумя разномастными лавчонками. — Да чтоб тебя... Киса-киса-киса!..

«Киса» снова затихла: наверное, не стоило так голосить. Чертыхнувшись про себя, Билли зажгла зеленоватый огонёк над раскрытой ладонью и принялась осматривать пространство между здоровыми мусорными ящиками.

Поиски неведомой зверушки так увлекли, что она не расслышала тяжёлые шаги за спиной. Точнее, расслышала — но слишком поздно.